

Девушку, которая обманом завладела всеми деньгами Цин Яня, звали Ван Янь 范 (красивый, прекрасный, прелестный). Ей казалось, что это имя слишком мягкое, поэтому в неофициальных случаях она писала его как «Ван Янь» 范 (скала, утес; скалистый).

Сначала Цин Янь не испытывал к ней особых чувств, но у него не было друзей, которые бы искренне заботились о нем, а только Ван Янь могла, выпив пару бутылок пива, похлопать его по плечу и обозвать его дураком, добавив, что среди всех ее знакомых он был самым изнеженным и привередливым.

Ван Янь несколько раз просила у Цин Яня деньги в долг, но он отказывал. Позже, когда она была трезва, она упрекала его, указывая на него пальцем и говоря, что у него только внешность хорошая, а внутри он слабый и скупой, раздражающий своей манерой, и что неудивительно, что у него нет друзей.

Потом, неясно как, они начали встречаться. Цин Янь был слишком одинок. Он потерял родителей в возрасте семи-восьми лет, а в пятнадцать-шестнадцать умерла бабушка, которая его воспитывала. Он очень хотел иметь близкого человека.

Ван Янь сказала, что нашла подходящий дом, и попросила Цин Яня выделить деньги. Он посмотрел на дом, и, хотя цена была высокой, он остался доволен и перевел деньги Ван Янь, чтобы она занялась оформлением сделки и подписанием договора. Позже Ван Янь сказала, что для свадьбы нужно многое купить, и Цин Янь, проверяя ее корзину покупок, переводил деньги по мере необходимости. Еще позже она заявила, что у нее обнаружили полипы в легких и нужна операция. Цин Янь перевел последние деньги, оставшиеся на его банковском счете.

А потом... потом ничего не было. Однажды Цин Янь случайно увидел свою невесту, обнимающуюся и целующуюся с другим мужчиной. Он знал этого человека — это был бывший владелец дома, который он купил. Цин Янь бросил на них несколько взглядов и отошел. Чувства были смешанными. За весь год их отношений они держались за руки и иногда обнимались, но Ван Янь всегда разговаривала с ним настойчиво и резко. Никогда прежде он не видел ее такой нежной и покорной.

После этого они не виделись неделю, и когда Ван Янь пришла к нему, Цин Янь откровенно высказал все, что думает. Ван Янь молчала некоторое время, опустив голову, а потом сказала:

- Я скоро умру, диагноз рак легких был поставлен еще до знакомства с тобой. Он — человек, с которым я познакомилась в больнице, у него такой же диагноз.

Цин Янь удивленно посмотрел на нее, и она добавила:

- Мы оба — единственные, кто поддерживает свои семьи. Если мы умрем, наши родные не смогут жить. Поэтому мы решили, что перед смертью должны добыть как можно больше денег.

Цин Янь с горькой усмешкой ответил:

- Он, конечно, умен, позволил тебе обманом выманить деньги, оставаясь в стороне.

Ван Янь покачала головой:

- Нет, это не так. Он тоже пытался найти богатую девушку, но она оказалась слишком проницательной и, поняв, что что-то не так, отдалилась от него.

Цин Янь отвернулся и с горькой усмешкой сказал:

- Так значит, я один остался дураком.

В глазах Ван Янь стояли слезы.

- Цин Янь, ты хороший человек, прости меня. Если хочешь, ударь меня, только не до смерти, иначе тебе придется отвечать за это.

Но Цин Янь ее не ударил — он просто выгнал ее. Позже он тайно притворился работником ЖКХ и заглянул в тот дом, чтобы посмотреть, что там происходит. В главной спальне лежали два пожилых человека, которые были прикованы к кровати, и в их чертах можно было узнать Ван Янь. В другой спальне жила старушка, зарабатывающая на жизнь продажей овощей, с трех- или четырехлетним ребенком, который отчасти походил на хозяина дома. Комната, которую Цин Янь планировал отдать Ван Янь под гардероб, была сдана семье из трех человек — студенту, готовящемуся к выпускным экзаменам, и его родителям.

Дом был в таком же состоянии, как когда Цин Янь приходил сюда в прошлый раз. Разница заключалась в том, что тогда Ван Янь заранее вывела всех людей.

Увидев все это, Цин Янь вернулся домой и весь день пролежал в постели, бормоча себе под нос:

- Все равно это были не мои заработанные деньги. Будем считать, что я просто не выигрывал, что я сделал доброе дело.

Ночью, когда стало совсем невыносимо, он, с пустым желудком, отправился в бар и напился до беспамьятства. А когда вышел, его сбил грузовик, и так он попал в этот мир.

Цин Янь сидел на стуле, откинув голову назад и закрыв глаза, наслаждаясь ощущением, как теплое полотенце касалось его лица. На плечах у него была старая верхняя одежда, которую мужчина только что принес из комнаты. Она была большая — это была одежда самого мужчины.

Цин Янь уловил аромат мыльного корня, исходящий от мужчины, когда он слегка нагнулся,

чтобы протереть его лицо. Он также почувствовал легкий запах масла и дыма от готовки. Это почему-то успокаивало его.

Когда лицо было вытерто, Цин Янь открыл глаза и, не мигая, посмотрел на мужчину перед собой. Его глаза были влажными и полными доверия и зависимости. Он улыбнулся, обнажив свои ровные белые зубы, и сладко сказал:

- Спасибо, муж.

Мужчина выпрямился и тут же отвернулся, чтобы показать Цин Яню только свою относительно гладкую сторону лица. Он плотно сжал губы, но наконец сказал:

- Ешь.

Цин Янь уже собирался встать, когда мужчина, уже повернувшийся к нему спиной, вдруг остановился и, не оборачиваясь, спросил:

- Твой отец говорил тебе мое имя?

Услышав это, Цин Янь слегка замер, но быстро пришел в себя. Он посмотрел на спину мужчины, и его взгляд вновь скользнул по строке слов, висящих у его головы. Затем мягким, нежным голосом он медленно произнес:

- Хэнянь.

Плечи Цю Хэняня чуть заметно дрогнули, и его глубокий голос ответил коротким «мм», даря этому новобрачному из современного мира, который старался выглядеть уверенным, но внутри был полон тревоги, спокойствие и уверенность.

Мужчина повернулся, чтобы разлить кашу, и светлая строка рядом с его головой все еще читалась так же ясно:

«Цю Хэнянь, кузнец из деревни Люси», а после нее шли слова в скобках: «личность не определена».

Взгляд Цин Яня задержался на этих словах «личность не определена» на некоторое время, но как только мужчина уверенно повернулся с чашкой каши, он быстро отвел взгляд.

Обеденный стол стоял недалеко от плиты. На нем лежала тарелка с белыми паровыми булочками, тарелка жареных ростков со свиной, блюдце с солеными овощами неясного происхождения и по большой чашке белого рисового кондже для каждого — это был их завтрак. Это, конечно, не сравнится с тем, что привык есть Цин Янь, но, судя по

воспоминаниям прежнего владельца тела, в этих местах рис, белая мука и свинина были доступными только в праздничные дни. Такой завтрак считался роскошным.

Цин Янь был по-настоящему голоден, его глаза загорелись, когда он увидел белые булочки, и он выглядел, как голодный уличный котенок, шныряющий по деревне.

Перед тем как сесть, Цю Хэнянь посмотрел на него, затем повернулся к шкафу, достал оттуда миску и добавил в рисовый отвар ложку коричневого сахара. Прежде чем Цин Янь успел что-либо понять, он снял крышку с миски на столе, под которой оказалось два вареных яйца. Он ловко разбил скорлупу и очистил яйца, после чего положил их в пустую чашку перед Цин Янем.

Цин Янь посмотрел на свою чашку. Себе Цю Хэнянь сахар не добавил — возможно, он не любил сладкое, — но есть два яйца одному было неловко. Цин Янь взял одно яйцо и протянул его к чашке мужчины. При этом движении он задел больное место и с трудом сдержался, чтобы не скривиться от боли, почти готов был заплакать.

Однако Цю Хэнянь, не принимая жеста, снова вернул яйцо в чашку Цин Яня и, пока тот не успел повторить попытку, прикрыл свою чашку рукой и с тихим голосом сказал:

- Соседка тетушка Ли принесла десять яиц, чтобы ты восстановил силы. Не нужно их экономить, каждое утро ешь по два. Когда закончатся, я куплю еще.

Цин Янь рефлекторно возразил:

- Со мной все в порядке, мне не нужно... - но, встретившись со взглядом Цю Хэняня, он замер. Его взгляд скользнул по разбитой скорлупе красных яиц, по своей чашке с нерастворившимся сахаром и по финикам и личи, которые он видел утром у кровати. В голове у него мгновенно вспыхнула догадка, и он наконец понял, что означало «восстановить силы». Щеки его залила краска, он густо покраснел и не смог вымолвить ни слова.

Коричневый сахар и красные яйца — это чтобы восполнить силы и кровь Цин Яня. А почему их нужно восполнять? Конечно, потому что они были истощены. Почему же они были истощены? Естественно, из-за того, что произошло ночью... Цин Янь вспомнил события прошлой ночи, и только теперь до него дошло, насколько он смущен и немного виноват. Даже аппетит к белой булочке перед ним пропал, лицо его стало пунцовым. Он украдкой посмотрел на воротник мужчины.

Ночью, когда он уже не мог терпеть, он укусил мужчину в грудь изо всей силы, и во рту у него сразу появился вкус крови. Этот укус, должно быть, был особенно болезненным. Цин Янь беспокоился о том, как была обработана рана и не случится ли инфекция, ведь медицина в этом мире была далеко не на высоте, и даже небольшая проблема могла стать серьезной.

Однако Цин Янь считал, что виноват не только он. Изначально он был довольно «возбужден»

из-за того, что в его теле действовало зелье. Мужчина, несмотря на недостаток опыта и грубость, на какое-то время смог утолить его жажду, хотя это и сопровождалось болью. Но позже, когда действие зелья стало угасать, Цин Яню стало невыносимо. К тому же мужчина оказался крайне выносливым. Цин Янь умолял его остановиться, и, хотя мужчина пытался быть более нежным, в порыве страсти он забывал об этом.

В конце концов, после сильного укуса и истерического плача Цин Яня, мужчина наконец остановился.

После этого Цин Янь лежал и тихо плакал, чувствуя, как мужчина обтирал его теплой водой и одевал. Затем он от усталости погрузился в сон.

Вспомнив все это, Цин Янь перестал чувствовать угрызения совести и подумал, что заслуживает этот «восстанавливающий силы» завтрак.

Рисовый отвар с сахаром был сладким. Хотя Цин Янь обычно не любил сладкое, но в зимнее утро чашка горячего сладкого отвара согревала желудок и приносила особое удовольствие. Булочки были идеально приготовлены: белые, мягкие, с насыщенным запахом пшеничной закваски. Жареные ростки со свининой были свежими и хрустящими, без лишнего жира, мясо оказалось гораздо вкуснее всего, что Цин Янь пробовал раньше, ведь эти свиньи не были откормлены с добавками. Цин Янь съел одно яйцо безо всяких добавок — белок был почти прозрачным, а желток ярко-желтым, будто готовым вытечь. Яйцо оказалось настолько вкусным, что он съел его в несколько глотков.

Второе яйцо он разломил пополам и добавил половинку в свою кашу, а затем посмотрел на молчаливого мужчину, сидящего напротив. В итоге он все же встал и положил вторую половинку в его чашку. Цю Хэнянь бросил на него взгляд и, на этот раз не отказавшись, съел яйцо вместе с кашей.

Цин Янь беззвучно усмехнулся и положил кусочек солений в рот. В ту же секунду его лицо сморщилось, а в голове зазвенело от кислоты. Перед ним появилась большая ладонь, обращенная вверх, и глубокий голос произнес:

- Сплюнь.

Но Цин Яню показалось слишком противным выплевывать еду, поэтому он быстро замотал головой и с трудом прожевал и проглотил кусочек солений. Ранее он видел, как Цю Хэнянь ел булочку, заедая каждый кусочек солеными овощами, и это выглядело аппетитно. Но для него это было настолько кислым, что зубы чуть не свело.

Как только он проглотил соленья, сразу начал искать воду, и Цю Хэнянь уже протянул ему полчашки рисового отвара.

Цин Янь залпом выпил ее и наконец почувствовал облегчение. Обычный человек на этом бы

успокоился, но Цин Янь, переживший трудное детство, уже не позволял себе испытывать никаких неудобств. С высунутым языком он пододвинулся к Цю Хэняню и, высунув язык, промямлил:

- Посмотри, не испортился ли он, что-то болит.

Цю Хэнянь взглянул на его язык лишь на мгновение и сразу отвернулся, сказав:

- Все в порядке, я принесу воды, чтобы прополоскать рот.

Цин Янь не обратил внимания на его неловкость и, следуя за ним, почти прижался к нему. Взяв воду и выпив ее, он все еще оставался рядом. Цю Хэнянь обычно старался поворачиваться спиной или боком, чтобы не показывать свою изуродованную сторону лица, но в этот раз ему пришлось повернуться лицом к Цин Яню. Стараясь не смотреть на него, он осторожно положил руку на его плечо и уверил:

- Это всего лишь редька, маринованная в уксусе. Все будет в порядке.

Закончив, он спросил:

- Ты наелся?

Цин Янь кивнул, и Цю Хэнянь отпустил его плечо, слегка подтолкнув:

- Иди отдохни.

Но Цин Янь не уходил, притворяясь вежливым:

- Я помою посуду...

Цю Хэнянь, не раздумывая, подхватил его, как легкого кролика, одной рукой поддерживая под коленями, а другой обнимая за плечи, и понес его. Цин Янь инстинктивно обвил руками его шею, ощущая себя в теплых и надежных объятиях.

Несмотря на неудачный опыт прошлой ночи, этот жест близости вызвал в Цин Яне чувство зависимости и привязанности к мужчине. Он послушно прижался к нему и позволил осторожно уложить себя на кровать.

После этого мужчина тихо сказал:

- Эти несколько дней я не пойду в мастерскую, все домашние дела я сделаю, - сказав это, он

вышел во внешнюю комнату.

Тепло его тела исчезло, и Цин Янь схватил одеяло, чтобы укрыться, и улегся на кровать, стараясь не задеть больное место. Тело все еще чувствовало усталость, и он был готов уснуть, но внезапно его осенило. От резкого движения снова потянуло боль, и он, скривившись, окончательно проснулся.

Потирая поясницу, он тихо пробормотал:

- Он сказал, что не будет ходить на работу эти несколько дней? Что делает взрослый мужчина, сидя дома?

- Черт, — тихо выругался Цин Янь. — Это же медовый месяц, да? Он сидит дома, чтобы... заниматься со мной...! Черт!

Цин Янь покрылся холодным потом.

<http://bllate.org/book/13590/1205163>